Глава 3

Желание

Дан Сайон никогда не видел такую ночь, как эта. Облака никогда не висели так близко к земле, как сейчас. Гром никогда не ревел так громко, а молния никогда не горела так резко, что её практически невозможно увидеть.

Казалось, будто небо падает.

Он стоял и смотрел, как старый монах и странный мужчина в черном пытаются уничтожить друг друга, будто это битва умов.

Вдруг молния спустилась с небес и упала на острие меча мужчины. Послышался оглушающий громовой раскат, в ушах зазвенело.

В этот момент тело человека в черной одежде распухло, глаза были широко открыты, будто они вот-вот лопнут. Между тем, всё в Деревне Травников было освещено так ярко, будто наступил рассвет.

Молния танцевала на кончике меча, и это было так прекрасно, что мальчик не осмелился даже вздохнуть.

«Неужели это истинная сила Даосов» - подумал он.

Мужчина лишь громко закричал, указал левой рукой на Пучжи и бросился на него с мечом, сопровождаемый громом, и оставляя за собой выжженную землю.

Тот сделал три шага назад, снял знак, сложив ладони вместе. Его тело озарилось слабым золотистым светом.

- Да поможет мне Будда, - прошептал он.

Послышался треск. Все остальные семь нефритовых бусин разбились прямо перед монахом, они составили огромное слова «Будда». Они светились так ярко, что его не было видно.

В следующее мгновение сверкнула вспышка, и бусины столкнулись друг с другом.

Вдруг Дан Сайон почувствовал, что его сердце бьется с бешеной скоростью. Ему казалось, будто кровь во всем теле текла в обратном направлении. Его тело онемело, мальчик начал задыхаться, и едва переводил дыхание. В этот миг все прекратилось: прервался ветер, не было слышно грома, весь мир будто остановился.

Затем его отбросило далеко назад. У него не было даже и мысли о том, чтобы испугаться, он видел настолько яркий белый свет, что солнце в небе светило бледнее. А после храм, в центре которого оказались те двое, был полностью разрушен.

На сердце у Сайона было пусто. Единственным звуком был сильный ветер, непрерывно свистящий в ушах.

Его переполнял страх, он лишь хотел свернуться калачиком и уснуть, но он чувствовал лишь бессилие. В его голове крутилась лишь одна мысль: «Я умер?». Сердце колотится с ужасной силой, по всему телу холодный пот и дрожь.

Когда стоишь перед смертью, как смотреть ей в лицо?

Он выбился из сил и потерял сознание

Пучжи неуклюже подошел к мальчикам и оттащил их на чистое место. Положив ребят на землю, он почувствовал сильную боль во всем теле, его разрывало на части. Не в состоянии вытерпеть это, он осел на землю.

Он осмотрел раны на груди через сгоревшую рясу, увидел едва заметный остаток черного тумана. Тот постепенно окружил его грудь, оставив свободным лишь одно небольшое место.

Лицо монаха медленно расплылось в улыбке, он начал искать что-то в одежде. Его руки двигались медленно и неуверенно. Он вытащил откуда-то красную таблетку, размером с кончик пальца.

- Трудно поверить, - прошептал он, - но тот призрак был прав. Я должен принять его пилюлю.

Он колебался, но, в конце концов, кивнул и проглотил таблетку. Затем он поднял глаза и увидел горы. Начался дождь. Сквозь ветер и дождь гора Айне выглядела более туманной и загадочной.

« Даосские методы лечения были действительно великолепны, в них содержались божественные знания и сила. Если использовать их вместе со знаниями буддистов, они идеально дополняют друг друга, и, возможно, секрет бессмертия будет раскрыт. Жаль лишь, что мастер Шен Доул гораздо сильнее, чем я. И, как и три моих брата, не может прекратить разногласия между школами».

Пучжи протяжно вздохнул и оглянулся назад, его взгляд упал на двух мальчиков. Дождь становился все сильнее. Деревня Травников была разрушена, и поблизости не было ничего, способного сдержать сильные порывы ветра.

Вдруг до него дошло, что он не сможет помочь детям. Он вынужден был использовать всю свою силу, чтобы с помощью Нефритовых Четок создать сильное заклинание, способное противостоять Малеусу, чтобы остановить действие «Громоваго Лезвия». Ответный удар заставил нападавшего бежать, но Пучжи все ещё был отравлен, и все надежды на выживание остались позади. Его единственным выходом была пилюля призрака, но с её помощью он мог продлить жизнь лишь на три дня.

«Этот дьявол был ранен, но внутри он остался цел. После того, как я уйду, он вернется, чтобы убить свидетелей. В то время это будут лишь эти два ребенка. Я боюсь, что жизнь всех жителей деревни окажется под угрозой. Это... это... это... Что мне делать?»

Монах продолжал думать. Хотя он был очень умен, но однажды и он должен умереть. Кроме того, он понял, что спас две невинных жизни. Однако тот человек, казалось, имеет репутацию в Айне, и если бы Пучжи направился в горы за помощью, это не имело бы значения.

Он считал, что ситуация почти не имеет выхода, но есть что-то другое, то, что является главным в жизни. Он хотел быть уверенным в том, что решил задачу. Сейчас он один из четырех Божественных Монахов Скайи, им восхищается мир. Но для него важнее была тайна вечной жизни, он хотел раскрыть секрет бессмертия. Тем не менее, пятьдесят лет назад, он уже осознал, что как бы долго он не изучал учение Скайи, он мог лишь стать сильнее, но эта тайна оставалась для него закрытой.

Он вернулся назад на несколько десятков лет. В его мыслях все было совершенно другим. Сегодня Скайя, Айне и Малеус – три самых процветающих религии, уходящие корнями в древность. Малеус за это время заработал себе ужасную репутацию, представив людям множество жестоких заклинаний. Айне же знамениты своими прекрасными умениями, которые имеют особую мощь в сочетании со способностями Скайи, и вместе могут даже развязать узел смерти.

Но он никогда не стремился разгадать тайну бессмертия. Он лишь всегда спорил со своими братьями, которые говорили, что это дьявольские мысли. Он посещал множество различных фракций, практикующих учение Айне. В Айне он бывал редко, но каждый раз мастер Шен Доул отказывался от перемирия.

Думая об этом, он улыбнулся, и у него возникла совершенно безумная мысль: ему осталось жить лишь три дня, была ли сейчас польза от вечной жизни?

Несмотря на свою восприимчивость, он по-прежнему видел двух детей, лежащих на земле, и не в силах думать о чем-либо хорошем, посмотрел налево. Вдалеке были сосны, которые все ещё сдерживают ветер и дождь, а это лучше, чем ничего. Он взял ребят и перенес их под деревья. Тщательно укрыв от дождя детей, Пучжи сел рядом и перевел дыхание.

Небо и Земля безжалостны, все сущее – тлен!

Даосское высказывание с яростью сорвалось с уст монаха.

Чернильное небо накрыло землю, черные тучи сгустились вверху, дождь падал с небес, дул холодный ветер, который касался лица, но замерзло сердце.

Он поднял голову к небу, задумался, потом медленно отвел взгляд и посмотрел на двух мальчишек, тихо сказав: «Два молодых господина, я бы хотел вас спасти, но не имею достаточно сил. Это все началось из-за меня, я причинил вам вред, и это мое наказание! Эх, если бы вы были учениками Айне, тогда на горе, среди множества людей, вы бы были в большей безопасности, а теперь...»

Как вдруг Пучжи содрогнулся всем телом и пробормотал: «Ученики Айне... Ученики Айне», его мысли завертелись с бешеной скоростью, словно он ухватился за какую-то идею, но она вот-вот могла от него ускользнуть. Через мгновение он покрылся холодным потом.

Потом в его глазах отчего-то вновь появилось то неясное безумие.

Он рассмеялся, вскинув голову в небо, как будто сошел с ума!

«Прекрасно, прекрасно! Мне осталось недолго, но если я передам кому-то магическую технику буддистов, а потом прикажу ему стать учеником Айне и изучить технику даосов, одним ударом я убью двух зайцев, я спасу их жизни и смогу исполнить мечту всей моей жизни!»

«С древних времен школа даосов и буддистов существовали отдельно друг от друга и не обменивались знаниями. Но никто в Айне не заподозрит, что какой-то ребенок, живущий у подножия Айне, будет носителем учения Скайи. А если появится человек, объединивший в себе оба учения, он наверняка пробьется через это тысячелетнее наваждение. Хаха, если все получится, я смогу умереть спокойно».

Он принял решение и ужасно воодушевился, его веки были красными, в глазах мелькали кровавые пятна, он машинально потянулся рукой к Бэю. Но остановился на половине, подумав

так: это такое важное дело, и если кто-то из сильных Мастеров Айне что-то заметит, все откроется, и им не избежать смертной казни. У мальчика по имени Бэй есть огромный талант, если его примут в Айне, наверняка он привлечет внимание Мастеров. Он еще слишком мал, боюсь, что он не сможет сохранить этот секрет!

Подумав об этом, он тут же обернулся к Дан Сайону и вспомнил, как этот парень днем проявил бесстрашие и упрямый характер. Кивнув, он сказал себе: «Этот не обладает выдающимся талантом, и к тому же не так силен физически, так что все будет зависеть от его удачи».

Сказав это, он больше не сомневался, протянув руку, он несколько раз коснулся тела Дан Сайона, разбудив его с помощью буддистской магии.

□□□

Дан Сайон с трудом пришел в себя, перед глазами все плыло, в ушах звенело. Через некоторое время он полностью проснулся, разглядел все, что было вокруг, и тут же перепугался, широко открыв рот.

Он увидел перед собой усталого монаха, левая сторона тела которого была обожженной каким-то огнем и выглядела ужасно. Его лицо окружала черная Ци, он умирал. Но почему-то сейчас старый монах был доволен, он улыбался во всю ширь. Так же Дан Сайон увидел Бэя, который без сознания лежал рядом с ним.

«Ты, что ты сделал?» Только через некоторое время Дан Сайон смог что-то сказать.

Пучжи перестал улыбаться, внимательно посмотрел на него и спросил вместо ответа: «Молодой господин, здесь такой сильный дождь и ветер, зачем вы двое пришли сюда?»

Дан Сайон вздрогнул и ответил: «Вечером я видел тебя здесь, а потом пошел дождь, здесь все такое разрушенное, я думал, что ты замерзнешь, так что решил принести тебе поесть».

Губы Пучжи дрогнули, он сложил руки в молитве и сказал: «Ты очень добр. Но на все есть своя причина, судьба заранее все предопределила, Будда милостив».

Дан Сайон переспросил: «Что это значит?»

Пучжи с улыбкой сказал: «Это значит, что наша встреча предназначена судьбой. И если это так, то согласишься ли ты изучить одну магическую технику, которую я могу тебе передать?»

Дан Сайон спросил: «Что это такое?»

Пучжи замер, затем рассмеялся, вытянул сухую руку и погладил Дан Сайон по голове. «Ничего особенного, я просто научу тебя особому способу дыхания. После этого ты должен будешь мне пообещать одну вещь, хорошо?»

Дан Сайон все еще не совсем понимал, но все же сказал: «Говори».

Пучжи сказал ему: «Ты ни в коем случае не должен говорить об этом другим людям, даже если это твои родные, все равно нельзя, ты сможешь это сделать?»

Дан Сайон кивнул. «Я понял, умру, но не скажу».

Пучжи вздрогнул в душе, глядя на этого мальчика с уверенностью на лице. Капли дождя, словно острые кинжалы, попадали на его лицо, так что его хотелось пожалеть.

Пучжи вдруг сделал глубокий вдох, опустив веки, и больше не глядя на Дан Сайона, он сказал: «Кроме того, ты должен будешь каждый день повторять эту технику один раз, но чтобы этого никто не видел, только посреди ночи, когда другие спят. И потом, только если нет смертельной опасности, ни в коем случае нельзя использовать эту технику, иначе ты попадешь в большие неприятности».

Сказав это, он снова открыл глаза и посмотрел на Дан Сайона. «Ты сможешь это сделать?»

Дан Сайон задумался, помотал головой, схватился за голову, он совсем запутался, но в итоге все же решительно кивнул.

Пучжи улыбнулся, но больше ничего не стал говорить, а начал передавать ему заклинание.

Это заклинание не было ни коротким, ни длинным, только в тысячу слов, но его было трудно запомнить, Дан Сайон старался изо всех сил, ему понадобилось больше шести часов, чтобы выучить его наизусть.

Пучжи, убедившись в том, что мальчик все запомнил, облегченно вздохнул, он был ужасно измотан. Он смотрел на Дан Сайона, и в его глазах невольно отражалась забота и любовь. Он сказал: «Я всю жизнь занимался культивацией, но никогда еще не брал к себе учеников, не думал, что перед смертью судьба подарит мне встречу с учеником. Ты должен узнать, кто я такой». Подумав, он продолжил: «Мое буддистское имя – Пучжи, я монах Скайи. Ах да, мальчик, ты знаешь, что такое Скайя?»

Дан Сайон подумал и покачал головой.

Пучжи хрипло рассмеялся и сказал: «Ты и правда ребенок». Потом он как будто опять что-то вспомнил, запустил руку за пазуху и вынул темно-фиолетовую сферу. Внимательно ее рассмотрев, он протянул ее Дан Сайону. «Тебе придется припрятать эту сферу, нельзя, чтобы кто-то ее увидел. После того, как все уляжется, найди ущелье поглубже и закинь ее туда, вот и все. И еще, то имя, которое я тебе только что сказал, никому нельзя говорить».

Дан Сайон взял сферу и ответил: «Я понял».

Пучжи погладил его по голове и сказал: «Если наша встреча назначена судьбой, может, мы и в следующей жизни с тобой встретимся? Дитя, встань на колени, поклонись трижды и назови меня Мастером!»

Дан Сайон посмотрел на Пучжи, но тот уже перестал улыбаться, его лицо было серьезным, так что мальчик кивнул и сказал: «Мастер». Встав на колени, он трижды поклонился ему. В это время Пучжи улыбнулся печальной улыбкой, но в его взгляде отражается решимость.

Дан Сайон только хотел поднять глаза и посмотреть на него, как вдруг кто-то ударил его по спине, перед глазами потемнело, и он снова потерял сознание.